

«Я никого никуда не введу»

Почему Эдвард Радзинский намерен уйти с телевидения

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

— Эдвард Станиславович, как вы себя чувствуете в виртуальном пространстве?

— Замечательно. В Сети я свой. Я ведь сайт совершенно не раскручивал. Открыл его по принципу — какой путник забредет. А забредает каждый день столько народа... Русскоязычные комьюнити из многих стран пишут. Украина, Прибалтика, Белоруссия на сайте книжки мои читают, поскольку в натуральном виде они туда не доходят. Я неожиданно стал получать очень много писем от четырнадцати-пятнадцатилетних. Причем, по-прежнему, что гостевая книга забита одним и тем же, они теперь отправляют свои послания на электронный адрес с припиской: только не ставьте в гостевую книгу! Не хотят соответствовать хору «как мы вас любим».

Насколько я понимаю, посетителей могло бы быть еще больше — просто кто-то заранее купил сайт на мою фамилию, и мне пришлось сделать radzinski — с «ай» на конце, чтобы не участвовать в выкупе собственного имени, это же позор... А многие ищут radzinsky — как полагаются.

— Общение идет в одностороннем порядке: они вам пишут, вы молча принимаете к сведению?

— До сих пор я не отвечал, но с какого-то момента стал давать им цитаты для размышления. Чаше всего из круга чтения Толстого. А скоро, думаю, начну отвечать. Только не персонально, а всем сразу. Авторской колонкой. Потому что испытываю все большее удовлетворение от уровня разговора.

— Хорошо. А о чем на сей раз будет ваш восьмисерийный монолог? Что такое «В России все секрет...»?

— По жанру это телевизионный роман. Две части, каждая из которых абсолютно самостоятельна. Часть первая, «Роковые минуты истории» — это смерть Екатерины. События будут даны практически в режиме реального времени. Все, что творится во дворце — агония, приезд нового императора, смерть, смена фаворитов, все радости, которые сопровождают перемену правления не только в России, но и во всем мире. И все это — не моими глазами, а глазами тех, кто это видел. К рассказу допускаются только реальные свидетели. Момент подлинности абсолютен. Я покажу реальные документы — письма Орлова из Ропши, знаменитые мемуары Екатерины, которые позволят взглянуть на нее же собственными глазами.

После каждого правителя, который слишком долго жил, остаются тайны и никому не нужные ближайшие сподвижники. Тайна секретного кабинета Екатерины там будет достаточно подробно рассказана. И вся история царствования возникнет не в хронологическом порядке, а в сочетании с судьбами людей, присутствовавших во дворце в момент кончины императрицы. Такая попытка создать «вижн» из событий двухсотлетней давности.

Вторая часть как бы дополнит характеристику и времени, и людей, которых мы видели во дворце. Она посвящена княжне Таракановой и называется «Золотой век авантюристов». Что и составляет прелестную сущность восемнадцатого столетия. Оно не было золотым веком Екатерины, как его по незнанию окрестили некоторые историки на Западе. Калитостро, Казанова, граф Сен-Жермен — вот бесконечная череда великодушных фамилий, которые человечество сохранило в памяти, забыв при этом многих востину великих людей, их современников.

Происхождение и похождения княжны Таракановой берутся в крутую фигуру века. Кстати, эта женщина не полдизервала, что ее называли княжной Таракановой. Она так и умерла, не зная, под каким именем останется в русской истории. При помощи подлинного следственного дела, которое опять же присутствует на экране, мы рассматриваем всю ее биографию, все ее тайны, пытаемся выяснить, кто же она была на самом деле, и была ли она единственная. Версия, которую я предлагаю, объясняет много вещей, до сих пор совершенно не объяснимых... Так же, как, предположим, необъяснимый целый ряд вещей в истории другой дамы, тревожившей воображение своего века, — я говорю об Анне Андерсен. Эти две фигуры удивительно переключаются, и когда мы дойдем до Анны Андерсен в наших дальнейших повествованиях, мы это пойдем.

— Вы настаиваете на том, что люди и события, раздвинувшие многовековыми промежутками, могут быть связаны какой-то высшей логикой?

— Несомненно. Тайный черт, который чертит История — с точки зрения атеистов, или Господь Бог — с точки зрения верующих, так вот этот черт существует, причем в очень жесткой форме. И он соответствует формуле библейских пророков — долго терпим, но больно бьет.

Я собираюсь постепенно выстроить на телеэкране определенное знание. И те, кто окажется пре-

данными зрителями, надеюсь, смогут разглядеть удивительный карнак История, и как с самого начала в этой сетке мистически запрограммированы многие совпадения, которые на деле оказываются воистину не случайностью, а выражением таинственного смысла. Мне бы хотелось, чтобы этот смысл был высказан не мною, а моей аудиторией. Эта задача потребует от нее некоторых усилий души.

А начнется все достаточно развлекательно, и только потом мы пойдем, что за этим пестрым анекдотом — анекдотом в историческом смысле слова — стоит пограничное нравственных законов, а оно обязательно, пусть даже через много лет, оборачивается возмездием. Удивительно...

— Что вы называете возмездием в случае с Екатериной?

— Я не могу подробно ответить на этот вопрос, поскольку тогда мне нечего будет показывать. Просто кровь всегда вопиет, и нет ничего тайного, что не стало бы явным, и рукопись, которую читают и скрывают все царя, становится общеизвестной, хотя каждый царь делает все возможное, чтобы этого не произошло...

— Вы стараетесь в начале февраля. В неделю будет демонстрироваться...

— ... по две серии.

— Значит, «Тайна...» растянется на месяц. Это случайно, что рассказ о двух женщинах вы фактически приурочили к Международному женскому дню?

— Чистая случайность. Я вообще об этом не задумывался, пока вы меня не спросили. Как странное, там действительно очень много женского... Заложено ведь еще внутренний парадокс: Екатерина — Тараканова, Мария Стюарт — Елизавета. И подробно рассказана история первого романа Екатерины, той первой настоящей любви, которая сформировала эту женщину и заставила ее впоследствии отделиться от мира чувств и привести его в соответствие с миром политики.

Да, передача женская. Потрясающе... Но в общем хорошо, что я об этом не догадывался. Такие вещи нельзя планировать. Нельзя делать передачу о Таракановой в Восьмом марта. Зато можно, скажем, ко дню рождения Казановой...

— А когда у него день рождения?

— А я не знаю. Или передачу о Екатерине — к юбилею Наполеона. Потому что Екатерина — это крушение либеральных идей в конце века.

В чем была трагедия ее перед смертью? Что ее превратило в развалину внутреннюю? Не ужас французской революции, для нее в этом ужаса особого не было, она народ знала и народа не боялась...

— С Таракановой вы выдвигаете от книги к экрану, а с Наполеоном, значит, наоборот?

— Я вообще долго подбирался к прозе, которую действительно хочу написать. Немного мешают привычка разговаривать законченными фразами, она переходит на страницы, а там должна быть дружная мерка, и я не знаю, как освободиться от себя телевизионного, чтобы вернуться к себе настоящей, как к самому себе...

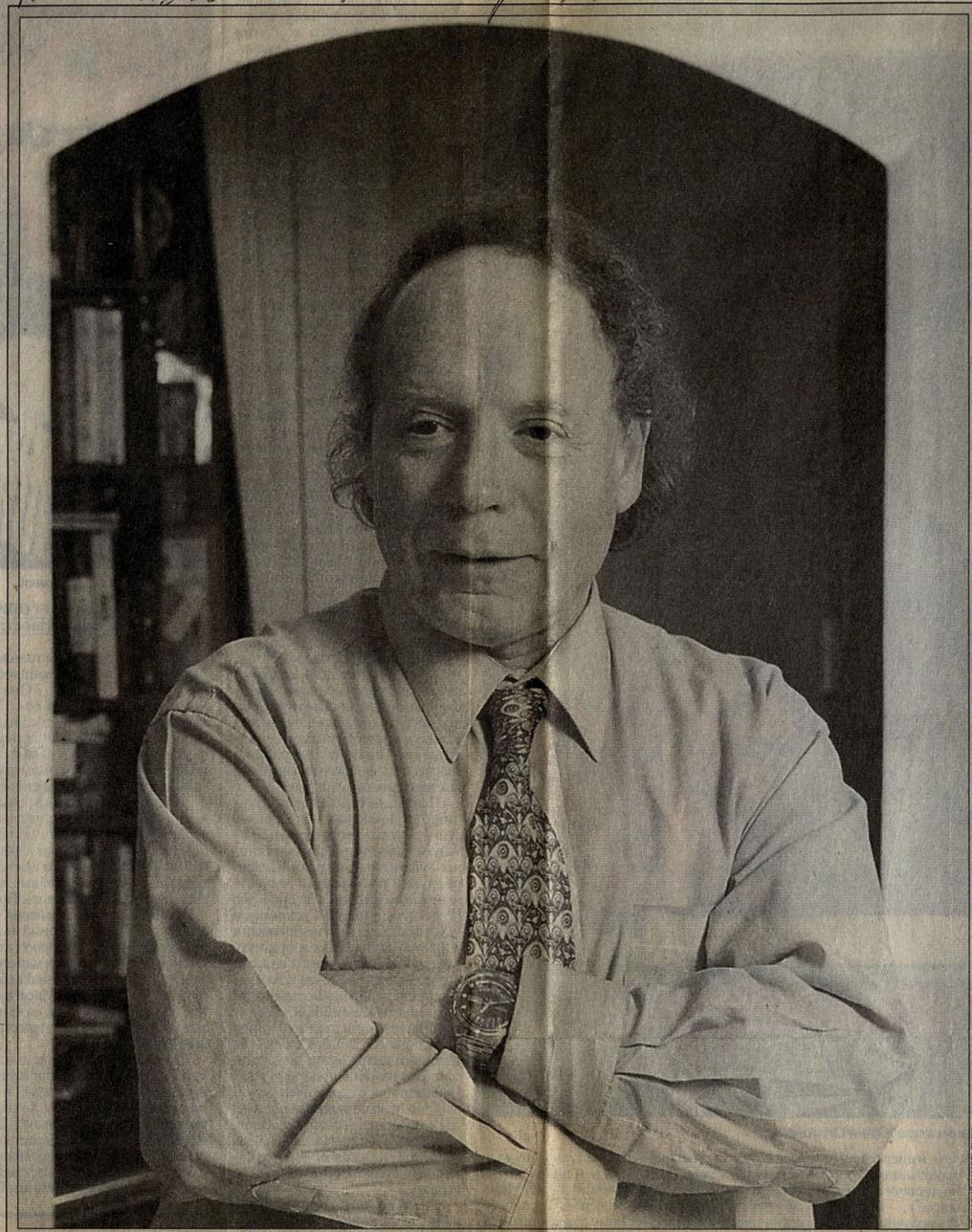
Для меня передача о Наполеоне была очень важной, потому что иногда и себе абсолютно ни чувствуешь и существуешь, кланусь, точно так же, как он. Попал под гинно Наполеона. Такие вещи порой случаются с актерами — когда тебя уже нет, когда выгрался так, что уже не до игры. Это одно из самых сильных ощущений в моей жизни. К последней серии я даже не готовился, потому что все уже знал, чуял запах створенных деревьев и лощинных трупов; и он, оставшийся в белом пустыне, и пространство, которое его засасывает...

По плану он должен был переждать зиму в Смоленске. Но не смог, потому что боялся, что мир будет заключен, и он не увидит Москву. Наполеон спешит завоевать мир. Азины, соревнуясь заодно с Александром Македонским, потому что ему не с кем больше соревноваться.

Беспредельность его желаний такова, что, когда он начинает все терять, ему смешны предложения мира. Открывается он в итоге потому, что во Франции уже не осталось человеческих ресурсов, чтобы создать империю Македонского. Все убиты. А такая Франция ему не нужна. В этом катастрофа всех диктаторов — люди уменьшаются в размерах...

— Мельчайт.

— Да, становятся почти мухамы. От Наполеона отворачивается судьба, от него отворачивается история. Начинает отвергать того, кого возвысила. Раньше, что бы он ни делал, он попадал прямо в цель, теперь, что он ни делает, все мимо. Он уходит из Москвы в хорошую погоду, внезапно ударяет мороз. Он блестяще ведет себя на берегу Березины, спасает армию, чтобы все равно ее потерять. Все его шаги — взаимоотношения с папой, женитба до этого на Марии Луизе, на которой нельзя было жениться, потому что она австриячка, а только что од-

Радзинский получил от жизни все и остался здоровым человеком — таково, на мой личный взгляд, главное достижение его земного бытия. «Здоровым» не в смысле физическом, хотя и с этим, тьфу-тьфу-тьфу, все в порядке: шестнадцать километров на лыжах чуть ли не ежедневно — согласитесь, по нынешним временам для занятию человека почти подвиг... Радзинский в отличие от многих своих ровесников по-прежнему дружелюбен и адекватен. Если возникает проблема, он делает из нее выводы лично для себя, а не в масштабах провинциального мироздания. Он не ханжиг, не воз, не лезет в чужую душу с собственной моралью, не развешивает желуди по экрану, ни по страницам, то есть успешно лавирует между кризисами, подстерегающими всякую зрелую знаменитость, когда времена меняются без предупреждения, а молодежь начинает дышать в затылок.

Радзинский снастило уверен в себе и, в частности, в том, что ничье горькое дыхание не опалит его и без того рыжие кудри. Однажды Евгений Киселев пригласил Эдварда

Станиславовича в качестве героя на тогда еще энтвэзшную программу «Глас народа». «Хорошо», — согласился Радзинский, — я придю, но буду один. С кем я могу разговаривать? Только с вечностью». Правда, передача под названием «Русь, куда несешься ты, дай ответ...» сорвалась, потому что день в день отставали Владимира Гусинского. Русь дала ответ — более чем исчерпывающий.

Кстати, сразу приношу свои извинения за превосходство в нислелующей беседе монолога над диалогом. Журналисту трудно выступать в роли вечности...

Ложной скромностью Радзинский не страдает. В его просторной, уютной, по-настоящему писательской квартире «красный уголок» отведен стеллажу с зарубежными изданиями «Николая», «Сталина», «Распутина». Экспозиция постоянно обновляется, многое уходит в запасники. Радзинского печатают по всему миру — под шкварным плащевым суепером и в дешевой карманной форме. Забавно видеть знакомое сочетание букв — Сталин, например, или Rasputin, набранное то латиницей, то с немецкими умляутами или французскими аксангравами, а то и арабской вязью, когда прочтение недостаточно и можно только угадать имя героя по усам или бороде на обложке...

Книжную выставку стерегут, вздымая друг на друга кулаки, два бронзовых «ТЭФИ» — Радзинский, как известно, живет на распутии литературы и телевидения. Плодотворность его в обеих сферах воистину поразительная. Вот и сейчас «Варгис» готовит к изданию повесть о Наполеоне, а ОРТ уже в первой декаде февраля начнет показ всемирносерийной программы «В России все секрет и ничего не тайна...». Параллельно Радзинский пишет роман, насчет которого пока удалось выведать, что сюжет охватывает несколько веков. Шумного резонанса от этой вещицы, как утверждает автор, достанет на ближайшие полстолетия. Кроме того, информационно-поисковая система Rambler назвала Эдварда Радзинского человеком 2001 года — его персональный сайт лидирует по количеству посетителей...

— Чем отличается ваше путешествие от тех, что обычно предпринимают на телевидении?

— Всем отличается. Мы окажемся вне цен и протокольных допустимостей, но в историческом интерьере. Я попытаюсь объяснить, что значили для галактических столпиков восемнадцатого века — Париж и Венеция — в культурологическом плане и почему они были на двух разных полюсах. В чем символика Рима и его значение для мировой цивилизации. Что такое Пиза, последний город ее свободы, умирающая республика, и в чем соответствие между умирающим Пизой и судьбой этой загадочной женщины.

Эти три города плюс Париж сохранили свои камни, и все, что видела княжна Тараканова, будем видеть и мы. Для меня это важно было сделать, потому что мой основной зритель — интеллигентия — по-прежнему в основном невзыскатель. До перестройки нельзя было выехать за границу по причине зловещих инстанций, теперь появились другая инстанция — под названием «денги». Мне хотелось, чтобы эта передача стала для людей окном...

— География.

— Да. Там вершилась ее судьба. Авантюристы, они же все время передвигаются. Они бегут, потому что их преследует пророческий вестель, а зачастую и петля. Казанова побывал и в России, и в Англии, и в Турции — нет места, где он не был... Тем более что от Таракановой у меня ничего нет, кроме ее показаний; ее голос звучит для меня в переводе словотельца, а она там все время лжет. А ее мир — это карета. Когда она не едет, она не живет. Я буду вам говорить: «Ее сжигала дихорадка...».

— Чем отличается ваше путешествие от тех, что обычно предпринимают на телевидении?

— Всем отличается. Мы окажемся вне цен и протокольных допустимостей, но в историческом интерьере. Я попытаюсь объяснить, что значили для галактических столпиков восемнадцатого века — Париж и Венеция — в культурологическом плане и почему они были на двух разных полюсах. В чем символика Рима и его значение для мировой цивилизации. Что такое Пиза, последний город ее свободы, умирающая республика, и в чем соответствие между умирающим Пизой и судьбой этой загадочной женщины.

Эти три города плюс Париж сохранили свои камни, и все, что видела княжна Тараканова, будем видеть и мы. Для меня это важно было сделать, потому что мой основной зритель — интеллигентия — по-прежнему в основном невзыскатель. До перестройки нельзя было выехать за границу по причине зловещих инстанций, теперь появились другая инстанция — под названием «денги». Мне хотелось, чтобы эта передача стала для людей окном...

— География.

— Да. Там вершилась ее судьба. Авантюристы, они же все время передвигаются. Они бегут, потому что их преследует пророческий вестель, а зачастую и петля. Казанова побывал и в России, и в Англии, и в Турции — нет места, где он не был... Тем более что от Таракановой у меня ничего нет, кроме ее показаний; ее голос звучит для меня в переводе словотельца, а она там все время лжет. А ее мир — это карета. Когда она не едет, она не живет. Я буду вам говорить: «Ее сжигала дихорадка...».

— Чем отличается ваше путешествие от тех, что обычно предпринимают на телевидении?

— Всем отличается. Мы окажемся вне цен и протокольных допустимостей, но в историческом интерьере. Я попытаюсь объяснить, что значили для галактических столпиков восемнадцатого века — Париж и Венеция — в культурологическом плане и почему они были на двух разных полюсах. В чем символика Рима и его значение для мировой цивилизации. Что такое Пиза, последний город ее свободы, умирающая республика, и в чем соответствие между умирающим Пизой и судьбой этой загадочной женщины.

Эти три города плюс Париж сохранили свои камни, и все, что видела княжна Тараканова, будем видеть и мы. Для меня это важно было сделать, потому что мой основной зритель — интеллигентия — по-прежнему в основном невзыскатель. До перестройки нельзя было выехать за границу по причине зловещих инстанций, теперь появились другая инстанция — под названием «денги». Мне хотелось, чтобы эта передача стала для людей окном...

— География.

— Да. Там вершилась ее судьба. Авантюристы, они же все время передвигаются. Они бегут, потому что их преследует пророческий вестель, а зачастую и петля. Казанова побывал и в России, и в Англии, и в Турции — нет места, где он не был... Тем более что от Таракановой у меня ничего нет, кроме ее показаний; ее голос звучит для меня в переводе словотельца, а она там все время лжет. А ее мир — это карета. Когда она не едет, она не живет. Я буду вам говорить: «Ее сжигала дихорадка...».

— Кто вас обидел?

— Меня — никто. Кто меня может обидеть? Со мной все в порядке. Я не могу объяснить. Вернее, мое объяснение понятно для меня одного... Этим делом можно заниматься только в атмосфере приятия и радости. Я должен сидеть перел камерой с опущением невероятной необходимостью происходящего, только тогда я могу завестись. Передачу надо ловить из воздуха. Если это станет тяжелым и безрадостным трудом, я уйду. В таком случае я не смею отнимать чужое время. А момент, когда я потяну радость, уже близок. Я его предчувствую.

— Ответьте честно: каково процентное соотношение в ваших передачах документальной истины и художественного вымысла?

— Никаково. Я рассказываю только правду. Ровно столько, сколько знаю. Начинаешь врать — ступает пафос. Форсируется голос, напор появляется от неуверенности в себе. А я хочу быть абсолютно искренним. Скажем, я привожу рассказ Феликса Юсупова об убийстве Распутина. Привожу полностью. Потом добавляю, что так события развиваться не могли, потому что существуют другие свидетельства, и другие показания, и другая логика происходящего. Но, может быть, я не прав, может, прав Феликс, а я что-то проглядел. Пожалуйста, выберите, кому вы верите.

— У людей есть привычка к диктату одного мнения. Мол, на то он и телеведущий, что он нас ведет. А я никого никуда не введу. Я просто писатель, который размышляет об интересных для себя вещах при помощи телевидения.

Рассказано должно быть абсолютно все — это принцип. Я печатаю в книге телеграмму Распутина царю, которая ставит под сомнения мою версию их отношений. Я объясняю эту телеграмму по-своему, но, согласитесь, проще всего взять и не печатать документы. Ну нашел и нашел — и помалкивай. Но я не могу этого сделать. Потому что, когда я объясняю психологию героев, я литератор, а в данном случае я не литератор, я историк.

Другое дело, что мое мнение остается неизменным. Как писатель я чувствую интуитивно, что у царя и Радзинский, как известно, живет на распутии литературы и телевидения. Плодотворность его в обеих сферах воистину поразительная. Вот и сейчас «Варгис» готовит к изданию повесть о Наполеоне, а ОРТ уже в первой декаде февраля начнет показ всемирносерийной программы «В России все секрет и ничего не тайна...». Параллельно Радзинский пишет роман, насчет которого пока удалось выведать, что сюжет охватывает несколько веков. Шумного резонанса от этой вещицы, как утверждает автор, достанет на ближайшие полстолетия. Кроме того, информационно-поисковая система Rambler назвала Эдварда Радзинского человеком 2001 года — его персональный сайт лидирует по количеству посетителей...

— Вы полагаете, сейчас нет серьезных историков?

— Есть, наверное, но я люблю путешествовать, кто из них про меня что-нибудь написал. А мне ничего не показывало. Ничего существенного во всяком случае.

— У «Секрета и тайны» будет продолжение?

— Будет, если я не уйду с телевидения.

— А есть такие планы?

— Не столько планы, сколько мысли...

— Это не касается какого-нибудь плохого поведения телевизионно начальства, напротив, оно чрезвычайно любезно, и отношения у нас самые идиллические. Это касается исключительно меня самого. Я не стойкий человек. Не могу существовать в атмосфере недоброжелательства. Атмосфере не телевизионной, повторяю, а всеобщей.

— Чем отличается ваше путешествие от тех, что обычно предпринимают на телевидении?

— Всем отличается. Мы окажемся вне цен и протокольных допустимостей, но в историческом интерьере. Я попытаюсь объяснить, что значили для галактических столпиков восемнадцатого века — Париж и Венеция — в культурологическом плане и почему они были на двух разных полюсах. В чем символика Рима и его значение для мировой цивилизации. Что такое Пиза, последний город ее свободы, умирающая республика, и в чем соответствие между умирающим Пизой и судьбой этой загадочной женщины.

Эти три города плюс Париж сохранили свои камни, и все, что видела княжна Тараканова, будем видеть и мы. Для меня это важно было сделать, потому что мой основной зритель — интеллигентия — по-прежнему в основном невзыскатель. До перестройки нельзя было выехать за границу по причине зловещих инстанций, теперь появились другая инстанция — под названием «денги». Мне хотелось, чтобы эта передача стала для людей окном...

— География.

— Да. Там вершилась ее судьба. Авантюристы, они же все время передвигаются. Они бегут, потому что их преследует пророческий вестель, а зачастую и петля. Казанова побывал и в России, и в Англии, и в Турции — нет места, где он не был... Тем более что от Таракановой у меня ничего нет, кроме ее показаний; ее голос звучит для меня в переводе словотельца, а она там все время лжет. А ее мир — это карета. Когда она не едет, она не живет. Я буду вам говорить: «Ее сжигала дихорадка...».

— Кто вас обидел?

— Меня — никто. Кто меня может обидеть? Со мной все в порядке. Я не могу объяснить. Вернее, мое объяснение понятно для меня одного... Этим делом можно заниматься только в атмосфере приятия и радости. Я должен сидеть перел камерой с опущением невероятной необходимостью происходящего, только тогда я могу завестись. Передачу надо ловить из воздуха. Если это станет тяжелым и безрадостным трудом, я уйду. В таком случае я не смею отнимать чужое время. А момент, когда я потяну радость, уже близок. Я его предчувствую.

— Ответьте честно: каково процентное соотношение в ваших передачах документальной истины и художественного вымысла?

— Никаково. Я рассказываю только правду. Ровно столько, сколько знаю. Начинаешь врать — ступает пафос. Форсируется голос, напор появляется от неуверенности в себе. А я хочу быть абсолютно искренним. Скажем, я привожу рассказ Феликса Юсупова об убийстве Распутина. Привожу полностью. Потом добавляю, что так события развиваться не могли, потому что существуют другие свидетельства, и другие показания, и другая логика происходящего. Но, может быть, я не прав, может, прав Феликс, а я что-то проглядел. Пожалуйста, выберите, кому вы верите.

— Кто вас обидел?

— Меня — никто. Кто меня может обидеть? Со мной все в порядке. Я не могу объяснить. Вернее, мое объяснение понятно для меня одного... Этим делом можно заниматься только в атмосфере приятия и радости. Я должен сидеть перел камерой с опущением невероятной необходимостью происходящего, только тогда я могу завестись. Передачу надо ловить из воздуха. Если это станет тяжелым и безрадостным трудом, я уйду. В таком случае я не смею отнимать чужое время. А момент, когда я потяну радость, уже близок. Я его предчувствую.

— Ответьте честно: каково процентное соотношение в ваших передачах документальной истины и художественного вымысла?

— Никаково. Я рассказываю только правду. Ровно столько, сколько знаю. Начинаешь врать — ступает пафос. Форсируется голос, напор появляется от неуверенности в себе. А я хочу быть абсолютно искренним. Скажем, я привожу рассказ Феликса Юсупова об убийстве Распутина. Привожу полностью. Потом добавляю, что так события развиваться не могли, потому что существуют другие свидетельства, и другие показания, и другая логика происходящего. Но, может быть, я не прав, может, прав Феликс, а я что-то проглядел. Пожалуйста, выберите, кому вы верите.

— У людей есть привычка к диктату одного мнения. Мол, на то он и телеведущий, что он нас ведет. А я никого никуда не введу. Я просто писатель, который размышляет об интересных для себя вещах при помощи телевидения.

Рассказано должно быть абсолютно все — это принцип. Я печатаю в книге телеграмму Распутина царю, которая ставит под сомнения мою версию их отношений. Я объясняю эту телеграмму по-своему, но, согласитесь, проще всего взять и не печатать документы. Ну нашел и нашел — и помалкивай. Но я не могу этого сделать. Потому что, когда я объясняю психологию героев, я литератор, а в данном случае я не литератор, я историк.

Другое дело, что мое мнение остается неизменным. Как писатель я чувствую интуитивно, что у царя и Радзинский, как известно, живет на распутии литературы и телевидения. Плодотворность его в обеих сферах воистину поразительная. Вот и сейчас «Варгис» готовит к изданию повесть о Наполеоне, а ОРТ уже в первой декаде февраля начнет показ всемирносерийной программы «В России все секрет и ничего не тайна...». Параллельно Радзинский пишет роман, насчет которого пока удалось выведать, что сюжет охватывает несколько веков. Шумного резонанса от этой вещицы, как утверждает автор, достанет на ближайшие полстолетия. Кроме того, информационно-поисковая система Rambler назвала Эдварда Радзинского человеком 2001 года — его персональный сайт лидирует по количеству посетителей...

— Вы полагаете, сейчас нет серьезных историков?

— Есть, наверное, но я люблю путешествовать, кто из них про меня что-нибудь написал. А мне ничего не показывало. Ничего существенного во всяком случае.

— У «Секрета и тайны» будет продолжение?

— Будет, если я не уйду с телевидения.

— А есть такие планы?

— Не столько планы, сколько мысли...

— Это не касается какого-нибудь плохого поведения телевизионно начальства, напротив, оно чрезвычайно любезно, и отношения у нас самые идиллические. Это касается исключительно меня самого. Я не стойкий человек. Не могу существовать в атмосфере недоброжелательства. Атмосфере не телевизионной, повторяю, а всеобщей.

— Чем отличается ваше путешествие от тех, что обычно предпринимают на телевидении?

— Всем отличается. Мы окажемся вне цен и протокольных допустимостей, но в историческом интерьере. Я попытаюсь объяснить, что значили для галактических столпиков восемнадцатого века — Париж и Венеция — в культурологическом плане и почему они были на двух разных полюсах. В чем символика Рима и его значение для мировой цивилизации. Что такое Пиза, последний город ее свободы, умирающая республика, и в чем соответствие между умирающим Пизой и судьбой этой загадочной женщины.

Эти три города плюс Париж сохранили свои камни, и все, что видела княжна Тараканова, будем видеть и мы. Для меня это важно было сделать, потому что мой основной зритель — интеллигентия — по-прежнему в основном невзыскатель. До перестройки нельзя было выехать за границу по причине зловещих инстанций, теперь появились другая инстанция — под названием «денги». Мне хотелось, чтобы эта передача стала для людей окном...

— География.

— Да. Там вершилась ее судьба. Авантюристы, они же все время передвигаются. Они бегут, потому что их преследует пророческий вестель, а зачастую и петля. Казанова побывал и в России, и в Англии, и в Турции — нет места, где он не был... Тем более что от Таракановой у меня ничего нет, кроме ее показаний; ее голос звучит для меня в переводе словотельца, а она там все время лжет. А ее мир — это карета. Когда она не едет, она не живет. Я буду вам говорить: «Ее сжигала дихорадка...».

— Кто вас обидел?

— Меня — никто. Кто меня может обидеть? Со мной все в порядке. Я не могу объяснить. Вернее, мое объяснение понятно для меня одного... Этим делом можно заниматься только в атмосфере приятия и радости. Я должен сидеть перел камерой с опущением невероятной необходимостью происходящего, только тогда я могу завестись. Передачу надо ловить из воздуха. Если это станет тяжелым и безрадостным трудом, я уйду. В таком случае я не смею отнимать чужое время. А момент, когда я потяну радость, уже близок. Я его предчувствую.

— Ответьте честно: каково процентное соотношение в ваших передачах документальной истины и художественного вымысла?

— Никаково. Я рассказываю только правду. Ровно столько, сколько знаю. Начинаешь врать — ступает пафос. Форсируется голос, напор появляется от неуверенности в себе. А я хочу быть абсолютно искренним. Скажем, я привожу рассказ Феликса Юсупова об убийстве Распутина. Привожу полностью. Потом добавляю, что так события развиваться не могли, потому что существуют другие свидетельства, и другие показания, и другая логика происходящего. Но, может быть, я не прав, может, прав Феликс, а я что-то проглядел. Пожалуйста, выберите, кому вы верите.

ТЕАТР АНТОНА ЧЕХОВА

12. 26 февраля
на сцене театра им. Маяковского в 19.00
«ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ» Н.Птушкина
Комедийная мелодрама.
РЕЖИССЕР — ЮРИЙ ЕРЕМИН
В ролях: В. Алентова и В. Меньшов.

5. 11 февраля
на сцене Театра им. Евг.Вахтангова в 19.00 Премьера!
Г.Горин
«ШАЛОПАИ, ИЛИ КИН IV»
Трагикомедия.
В ролях:
В.Золотухин, В.Соломин, В.Долгинский,
В.Глаголева, Е.Галахова, И.Доминский.

7. 13. 14. 21 февраля
на сцене Театра Эстрады в 19.30
Ф.Вебер
«УЖИНЫ С ДУРАКОМ»
Пронзительная комедия.
В главных ролях: О. Басилашвили и Г. Хазанов.

18. 25 февраля
на сцене Театра им. Евг.Вахтангова в 19.00
Г.Слущки
«ПОЗА ЭМИГРАНТА»
Вещица.
В главных ролях: В. Глаголева и В. Меньшов.

19 февраля
на сцене Театра Эстрады в 19.30
Б.Слэйд
«ЧЕСТВОВАНИЕ»
Мелодрама.
В главной роли: А. Ширвиндт.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА ЛЕОНИД ТРУШКИН